

Действительно, кроме Е Хэньжана, он никому не доверял и ни в каких чувствах не нуждался.

В этот момент телефон в его кармане завибрировал. Увидев, кто звонит, Сун Юй, не раздумывая ни о чем другом, тихо произнес:

— Отдыхай, мне нужно кое-что уладить.

Наблюдая за тем, как объект его стратегии спешно удаляется, не скрывая тревоги, Цзян Цинъюэ подумал, что только дела, связанные с Е Хэньжаном, способны выбить его из колеи. Что ж, на каждый удар найдется свой ответ. Цзян Цинъюэ с наслаждением потянулся, решив, что пора всерьез обдумать план по повышению уровня симпатии.

К счастью, простуду удалось вовремя купировать, и она не переросла в нечто серьезное, так что через два дня Цзян Цинъюэ выписался из больницы. Этот дом, разумеется, был той самой виллой, которую Сун Юй использовал, чтобы прятать свое сокровище.

Сегодня с самого утра выглянуло редкое солнце. Цзян Цинъюэ смотрел на крыши цвета верблюжьей шерсти и невольно вздохнул: революция еще не завершена, товарищам нужно приложить больше усилий.

В последующие дни Сун Юй иногда возвращался, сразу переходя к делу: затаскивал его в постель и изматывал до предела, а наутро исчезал. База для симпатии была заложена, и шкала понемногу ползла вверх, однако до сотни никак не дотягивала.

В дни, когда Сун Юя не было, Цзян Цинъюэ от скуки часто навещался в приют, чтобы убить время. Только там он мог ненадолго забыть об этой проклятой игре.

Кто бы мог подумать, что по дороге домой он наткнется на нескольких парней в черном с недобрыми намерениями. Неизвестно почему, но на душе стало беспокойно. Решив сменить маршрут, он свернул вглубь старого жилого квартала.

Сгущались сумерки. В обветшалом районе было пусто, горело лишь несколько окон. Люди в черном следовали за ним по пятам: как бы Цзян Цинъюэ ни петлял, они неотступно шли следом, сохраняя дистанцию в несколько метров.

Наконец, впереди показалась широкая дорога, где негде было спрятаться. Цзян Цинъюэ глубоко вдохнул, обернулся и громко спросил:

— Кто вы такие? Если вам нужны деньги, я отдам всё, что есть, только не трогайте мою жизнь.

— Это не тот вопрос, который решается деньгами, — главарь банды сразу понял, что Цзян Цинъюэ раскусил их намерения. — Ты перешел дорогу не тому человеку.

Видит бог, он был честным и добропорядочным гражданином. Цзян Цинъюэ едва не плакал:

— Ну же, ребята, вы ведь не собираетесь меня насиловать?

— Тьфу! Нам мужики не интересны!

Цзян Цинъюэ расстроился еще больше:

— Значит, вам нужна моя жизнь?

— Скоро узнаешь.

Мужчина кивнул своим подручным. Те, понимая всё без слов, выудили откуда-то мешок и плотно замотали в него Цзян Цинъюэ.

Компания не отличалась деликатностью. Свернувшегося в мешке Цзян Цинъюэ едва не стошнило от тряски, а после недолгой поездки его бесцеремонно бросили в багажник.

Цзян Цинъюэ не знал, сколько прошло времени, но каждая секунда в мешке казалась пыткой. Наконец, тревожный гул мотора стих. Цзян Цинъюэ выбрался наружу, снова увидев свет. Веревки на руках он по пути успел порядком ослабить, так что они почти не держали.

Однако насладиться свободой дыхания не удалось и трех секунд: по лицу прилетела увесистая пощечина, от которой в глазах поплыли искры.

— Ты посмел меня подставить?

Этот скрежет зубов и до боли знакомый голос мог принадлежать только одному человеку — начинающей белой лилии. Цзян Цинъюэ сплюнул кровь:

— Какая еще подстава? Я таким не занимаюсь, не надо меня оговаривать.

— Ты еще смеешь отпираться насчет записи? — Е Хэньжань больше не мог сохранять маску невинности. Он полагал, что сможет решить всё парой слов, но никак не ожидал, что Сун Юй в ответ припрет его к стенке вопросами.

Хотя этот инцидент не мог пошатнуть его положение в сердце Сун Юя, Е Хэньжань чувствовал себя глубоко оскорбленным.